

АЛЕКСАНДР МАЗИН

**РИМСКИЙ
ЦИКЛ**

ВАРВАРЫ

РИМСКИЙ
ОРЕЛ

МОСКВА 2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М13

Иллюстрация на переплете — *Владимир Гурков*

Мазин, Александр Владимирович.

М13 Варвары. Римский орел / Александр Мазин. — Москва : Эксмо, 2023. — 720 с.

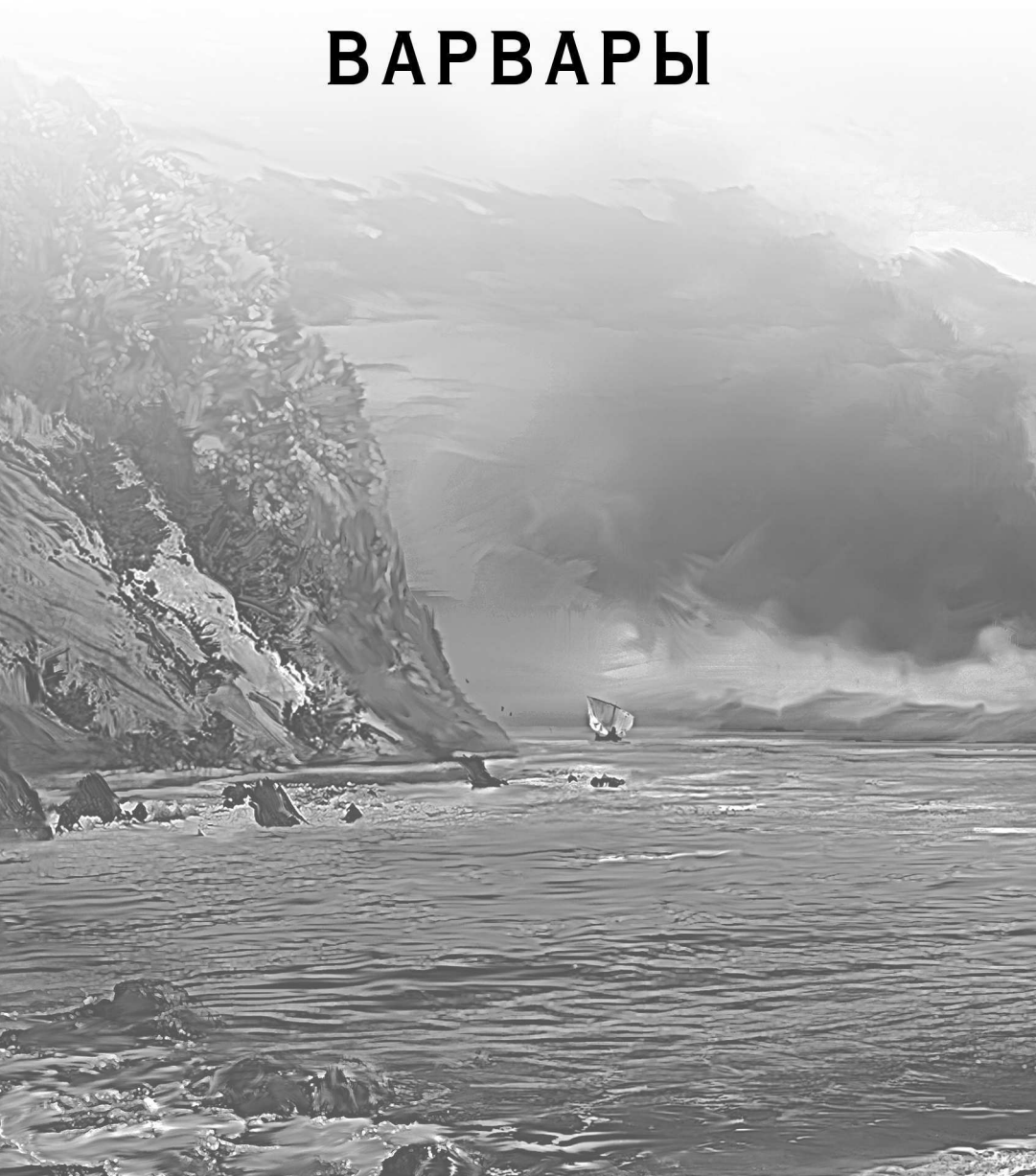
ISBN 978-5-04-180529-6

Рах Romana, говорили они. Римский мир. Утонченный, цивилизованный, великолепный... Великолепный кусок мяса для волчьих клыков. Вот так видели его варвары. Римские властители не сомневались в своем превосходстве. Дикарям в шкурах никогда не сокрушить прославленные легионы! Что у них есть, кроме свирепости и отваги? Ничего. А Рах Romana – вечен. Шел второй век от Рождества Христова, когда к границам самой могучей империи того времени пришли те, чьи потомки будут править Европой.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-180529-6 © Мазин А.В., текст, 2023
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

ВАРВАРЫ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЧУЖИЕ БОГИ

Пролог

19 июня 20... года. 9.12. ОПТ. «Новости»

«Вчера, в 23 часа 2 минуты по московскому времени, с космодрома Байконур успешно стартовал корабль „Союз ТМ–М-4“ с экипажем в составе командира корабля Геннадия Черепанова и космонавта-исследователя Алексея Коршунова. Как заявили нашему корреспонденту в Центре управления полетами, несмотря на то что запуск дважды откладывался, старт прошел, самочувствие космонавтов хорошее. Стыковка с Международной космической станцией должна произойти примерно через 49 часов после старта. В соответствии с программой полета Г. Черепанов проведет на станции около шести месяцев и вернется на Землю на корабле многоцелевого использования „Дискавери“ вместе с американскими участниками основной экспедиции. А. Коршунов пробудет на МКС меньше и после запланированных исследовательских работ с микрогравитационной лабораторией „Спейсхаб“ через сорок два дня вернется на Землю на „Союзе ТМ–М-4“ вместе с космонавтом Николаем Белкиным, уже шесть месяцев находящимся на МКС».

20 июня 20... года. 14.23. РТР. «Вести»

«Как сообщили из Центра управления полетами, около шести часов назад была потеряна связь с кораблем „Союз ТМ–М-4“ с космонавтами Геннадием Черепановым и Алексеем Коршуновым на борту. На момент потери связи корабль находился над территорией Российской Федерации на высоте 324 километра. Примерно в это же время, как сообщает агентство „Рейтер“, потерял ориентацию научно-исследовательский спутник, находившийся в этот момент над кораблем на высоте около 600 километров, а на спутнике связи ИНТЕЛСАТ, также находившемся над кораблем

на геостационарной орбите на высоте около сорока тысяч километров, был зарегистрирован кратковременный сбой работы бортовых систем...»

21 июня 20... года. 22.20. НТВ. «Сегодня»

«...так и не восстановлена связь с кораблем „Союз ТМ–М-4“. Более того, не удалось обнаружить ни сам корабль, ни признаки вхождения его в плотные слои атмосферы. К поискам корабля, помимо НАСА и ВМФ США, подключились к настоящему моменту военные обсерватории всего мира, однако пока безрезультатно. По утверждению специалистов, космический корабль „Союз ТМ–М“ — это очень надежный аппарат с многократным дублированием большинства бортовых систем. Так что будем надеяться...»

23 июня 20... года. 00.12. ОРТ. «Новости»

«...к настоящему моменту судьба „Союза ТМ–М-4“ остается неизвестной. Стыковка с МКС должна была произойти более девяти часов тому назад. Попытки обнаружить корабль в околоземном пространстве пока не дали никаких результатов. Не удалось также обнаружить и признаков падения корабля. По сообщениям военных специалистов, никаких испытаний противоспутниковых систем в это время на территории России — да и во всем мире — не проводилось. Это подтверждается и сообщениями западных агентств, в которых говорится, что характер нарушений в работе спутников, находившихся вблизи точки орбиты, в которой прервалась связь с „Союзом ТМ–М-4“, не позволяет говорить о применении какой-либо из известных систем уничтожения спутников.

По указанию Президента России В.В. Путина создана специальная комиссия по расследованию происшествия с „Союзом ТМ–М-4“. В комиссию входят представители Российского космического агентства, концерна „Энергия“, Министерства обороны и Российской Академии наук».

Глава первая

КНИВА. О ПОДВИГАХ И СЛАВЕ

Ночь простерлась над миром. Под затянутым тучами небом притулилось село — полтора десятка низких мазанок. Дождь лениво шуршал в крытых почернелой соломой крышах. Село спало.

Спали и в доме Фретилы, когда неслышно откинулась бычья кожа, закрывающая вход, и в проеме возникла темная фигура. Мгновение пришелец помедлил, вдыхая запахи и вслушиваясь, затем уверенно двинулся вглубь, пробираясь между спящими. Наклонившись над одним, потряс за плечо. Тот замычал, попытался сбросить руку. Потом разом вскинулся.

- Нидада? — Голос у Книвы, сына Фретилы, был сильным со сна.
- Тсс!
- Тебе чего...
- Идем?

И, не дожидаясь ответа, Нидада проскользнул к выходу.

Книва помедлил, приходя в себя. Затем встал с лавки. Рядом забормотал во сне Фретила, не то негодуя, не то жалуясь. Книва замер. Нет, все спокойно, отец снова захрапел.

Нидада ждал снаружи под навесом, где хранились нарубленные дрова для очага. Когда Книва приблизился, Нидада надменно оглядел его с головы до ног и презрительно хмыкнул.

Старый дворовый кобель, околачивавшийся поблизости на всякий случай (Нидада — знакомый, но мало ли...), при появлении Книвы потрусил прочь, на свое обычное место под навесом амбара.

- Чего надо? — Книва был недоволен.
- Дай поесть, — буркнул Нидада.
- Зачем будил? Ведь знаешь, где еда.

Нидада бросил взгляд на вход в дом.

— Все спят, — успокоил его Книва. — Ты что ночами бродишь?

Нидада не ответил. Хмурился, сопел, глядел в землю. Книва ждал. Нидада такой. Когда его отца медведь заломал, Нидада из дому сбежал и сутки пропадал где-то. С тех пор диковатым сделался.

— В капище скоро отправляться, — выдавил наконец Нидада. — Посвящение принимать...

Книва потрогал рысьи когти, что висели у него на шее. Душу этой рыси Книва взял с год назад. Рысь — могучий воин. Почетно ее душу взять. И в мужской избе когти не стыдно предъявить. Только не так-то просто посвящение пройти. Вдруг спросит Овида-жрец: отчего мнишь, что воин из тебя получится?

Подвиги нужны. Чтобы в дружину попасть, точно подвиги требуются. В дружину ведь всякий хочет. В селе что? Пахота да жатва. А в дружине весело, пиры, походы. Очень хочется Книве в дружину.

Нидада, как и Книва, в этом году свою четырнадцатую весну встретил. Нидада тоже хочет в дружину. Только в дружину попасть Нидаде еще труднее будет. В дружине брат его, Ахвизра. Потому-то и не находит Нидада себе места. Ведь как решат жрецы и воинский вождь Одохар, так тому и быть. А Одохар дружинников станет слушать. Когда молодых в воины принимают, из бурга на капище с военным вождем обязательно дружинники наезжают. Они-то и следят, кто как испытания прошел.

Ахвизра в селе прошлой осенью был. Припасов привез, чтобы кормился Нидада. Ахвизра так решил: пусть Нидада на земле сидит, хоть он и младший. Род хранит.

Это правильно. Род хранить надо. Человек без рода ничто. Только у Нидады весь род — Ахвизра. Остальные — кто помер, кто в великом походе сгинул.

А род — он ведь на земле сидит. И через то почет ему. Что за род без земли?

Оттого и решил Ахвизра Нидаду на земле силком удержать. Мол, свыкнется со временем. Ахвизра Нидаде клятвенно обещал на капище быть, когда Нидада воинское посвящение принимать станет. И всяческие препоны чинить. А все знают — Ахвизра слов на ветер не бросает.

Потому-то и нужно Нидаде что-то такое, особенное. Подвиги нужны. Но только где в селе их сыщешь? На охоте разве что. Но

этого мало. Великое нужно. Чтобы всех проняло. Чтобы от зависти все почернели.

— Я на квеманском озере был, — сказал Нидада.

— Врешь!

— Не вру!

Видно, и впрямь не врал. Чем-то от Нидады таким веяло... беспокойным.

Книва невольно поежился.

Квеманы — страшный народ. Они с демонами знают. И живут среди болот. В самых нечистых местах.

— Не вру! Клянусь Вотаном!

Книва ошарашенно смотрел на него. Пусть Нидада не воин пока, но такими клятвами не бросаются.

И тут Нидаду будто прорвало. Путано, сбивчиво он начал рассказывать...

На самом-то деле Нидада сначала на охоту отправился. Думал птицы набить. Но охота была неважная. Тогда Нидада решил на лесное озеро идти: там птица всегда в изобилии. А озеро это на землях квеманов стоит, хотя и далеко от их сел.

— Я возле озера на них и набрел, — продолжал Нидада. — Только они меня не видели. Повезло. Там орешника много...

В орешнике сидел Нидада, когда голоса услышал.

Квеманов было пятеро. Беззаботно себя вели, пересмеивались. Нидада решил за квеманами проследить. Что станут делать? А квеманы хворост собирали, таскали на берег озера. Тут Нидада смекнул: не иначе, затевают квеманы свои нечистые игрища. Ведь солнцу на зиму пора поворачивать. Стало быть, будут квеманы на озере костры жечь и безобразничать. Про их мерзкие обычаи в селе много чего рассказывали...

Следил Нидада за квеманами — и вдруг его осенило: вот он, подвиг великий!

В ночь на солнцеворот тайно на игрища квеманские прийти. Это и само по себе — подвиг, а если еще пару квеманских голов добыть, так выйдет не просто подвиг, а великий подвиг.

Прикинул Нидада: дело это нетрудное.

На игрищах, известное дело, обопьются квеманы, начнут по лесу за девками своими гоняться, разбредутся в разные стороны. Так что можно одного-двух подкараулить и убить. Головы с убитых снять. А когда в воины посвящать станут, эти головы и предъявить.

Такого подвига здесь отродясь никто не совершал. После такого сам Одохар, лично, в дружину позовет. Поэтому Нидада сразу о Книве подумал. Во-первых, Книва — друг. Во-вторых, Книве тоже к посвящению подвиг нужен. Опять-таки вдвоем и голов можно снять поболе.

— Весь лес квеманский кровью зальем. Всю избу завалим головами квеманскими, — возбужденно шептал Нидада.

— Там же духи болотные на игрищах будут, и боги квеманские. — Книва сложил пальцы защитным знаком.

— Ты их видел? — бросил Нидада презрительно.

— Я не видел. А Вутерих видел.

Вутерих в селе живет. Он прошлым летом болотного духа увидал. Потом болел долго.

— Вутерих говорит, он на тощего человечка похож. И нос у него острый и длинный.

Нидада фыркнул. Как болотный дух выглядит, все и без Вутериха знали. Старики о том не раз рассказывали. Фыркнул, но оглянулся украдкой и тоже сложил пальцы в защитный знак. Потом снова повернулся к Книве, зубами сверкнул в темноте:

— Трусишь? Тогда я один пойду.

Книва понял: он и в самом деле пойдет. И подвиг совершит, и станет дружинником. А он, Книва, так и останется в селе, на земле сидеть.

Книва коснулся рысских когтей и заявил решительно:

— Я — с тобой!

— Завтра, — сказал Нидада с достоинством, и по голосу было слышно: обрадовался, что Книва с ним отправится.

— А сейчас я спать иду, — заявил Нидада, голосом подражая вождю Одохару. — И ты иди. Нам выспаться надо.

Глава вторая

КНИВА. ОХОТНИКИ ЗА ГОЛОВАМИ

Той ночью Книве показалось: славно задумал Нидада. Может, потому показалось, что очень хотелось Книве великий подвиг свершить. А может, духи недобрые разум помutilи.

Утром он уж по-другому думал. Но отказаться не мог. Что он за воин будет, если слова не держит?

Утром Книва с Нидадой из села ушли. Как бы на охоту. Рогатины взяли, ножи, все, что требовалось.

Пока своими землями шли, Нидада болтал без умолку. То удалью хвастал, то принимался рассуждать, как лучше с квеманскими головами обойтись, чтоб сохраннее были. Засолить, закоптить или в меду спрятать. Склонялся к мысли, что лучше — закоптить. Тут Книва был с ним согласен. Соль надобно еще у Фретилы выпросить, а мед хоть и можно самим добыть, а потом как? Что за радость, если трофей в кувшине или в горшке лежит? Нет, такая добыча должна у всех на виду быть! Чтоб каждый доблесть Книвы увидеть мог.

Почти до полудня болтал Нидада, а после полудня они в дикий лес вошли, и Нидада умолк. И неудивительно. В диком лесу Ибба живет, волков пестует. Ибба раньше в селе жил, а потом в великий поход ушел. Сказывают, что до похода Ибба был как все. С прочими героями в богатырской избе жил, ярость тешил. Вернулся из похода только он один, остальные все полегли. А как вернулся — тут все и увидели: вутьей¹ стал Ибба. Такую ярость Ибба в себе принес, что не смог больше среди людей жить. В лес ушел. Давно это было.

Из сельских Иббу никто не видел ни разу после того, как он в лес ушел. Зато следы примечали не раз.

Нидаду с Книвой Ибба через свой лес без помех пропустил, хотя дважды, среди буреломов, взгляд вутьи ощущался. Понял, видать, Ибба, зачем во владения его вторглись. Радовался небось, что кровь прольется.

Нидада все правильно рассчитал. К озеру вышли в срок, затаились. Что-что, а затаиться они умели. Охотники как-никак, дело привычное. И на время Книве даже казаться стало, что и впрямь дело привычное: что рысь на рогатину взяла, что квемана дикого...

Квеманы появились, когда уж смеркаться стало.

¹ Носитель священной ярости (вут), насылаемой богами. Чаще всего вут посылался человеку Вутаном (Вотаном) — богом войны и магии. Собственно, само имя Вутан и образовано от слова «вут». У многих индоевропейских народов на этапе родоплеменных отношений священная ярость была объектом своеобразного религиозного почитания.

Книва, завидев их, даже дышать перестал. За свои четырнадцать зим он прежде лишь одного живого квемана видел. Его охотники в лесу поймали, недалеко от села. Вынюхивал, должно быть. Тот квеман от рассвета до рассвета перед ликами богов смерть принимал.

Книва тогда мал еще был, сидел на плече у своего отца Фретилы и смотрел, как умирал квеман. Долго умирал и кричал громко. В тот год засуха началась, если бы не жертва, зерно бы в полях сгорело. Но Тивас-бог принял квемана и дал дождь.

«Это оттого, — назидательно сказал потом Фретила, — что квеман был правильный».

— Правильный квеман, — пробормотал, сам того не замечая, Книва.

— Тихо ты! — яростно прошипел Нидада и толкнул Книву локтем.

Мошкары в прибрежных зарослях, где хоронились Книва с Нидадой, оказалось видимо-невидимо. А как стемнело, так и вовсе невозможность стало.

Не любят квеманы света дня. Оттого и веселятся всегда по ночам, когда злые духи по миру бродят. В селе говорят: квеманы со злыми духами заодно и под них рядятся. Когда в бой идут, черные одежды на себя надевают. У них и щиты черные, и лица они сажей вымазывают.

Однако нынче квеманы в белые одежды обрядились. И без оружия были. Шли не таясь. Знали: на своих землях. Духи ночные пронзительными голосами в чаще кричали — квеманов приветствовали.

Книва даже про мошкарку забыл. Сидел, потел, тискал древко рогатины. Страшно! Кажется: весь лес квеманами полон, вот сейчас раздвинутся кусты, и встанут вокруг квеманы тесной толпой. И такая слабость навалилась вдруг на Книву, что, возникни рядом квеманы, он дался бы им без всякого сопротивления.

Рядом судорожно вздохнул Нидада. Как всхлипнул.

«Небось тоже перетрусил», — подумал Книва, и от этой мысли ему сразу стало легче.

И злость пришла: на дурака Нидаду и на себя, что этого дурака послушался. А со злостью пришла ярость — холодная, как ключевая вода. Пришла — и вымыла все лишнее: мысли дурные, страхи. Тени перестали казаться личинами злых духов, а все звуки обрели правильный смысл, понятный охотнику. Книва даже усмехнулся,

когда вспомнил свой недавний страх, будто окружили их квеманы. Он потянул носом воздух: медленно, приплюхиваясь, как Фретила, отец, учил. Точно. Не было рядом квеманов. Далеко они были, не ближе полета стрелы. Огни жгли: от костров сырым дымом несло. Один только Нидада рядом сидел, пыхтел и потел. Трусил.

Хотел ему Книва обидное что-нибудь сказать, но передумал.

Дымом еще гуще потянуло. Книва слух напруг: что там квеманы затевают?

А они вдруг заголосили, завизжали на разные голоса, затопотали. Книва над кустарником осторожно приподнялся: интересно же. Нидада снизу зашипел злобно, но Книва только отмахнулся.

Ничего особенного он не разглядел, понял только, что квеманы от костров к озеру двинулись.

Над озером висел туман. Берега тонули в белесой мгле. Сквозь мглу мутно светили костры.

Внезапно кто-то жалобно закричал. Затем все стихло. И услышал Книва тонкий девичий плач. Звук по воде хорошо идет. Казалось, совсем рядом девочка плачет. Затем резкий голос раздался. Мужской. И глухой хрусткий удар. А затем — плеск. И сразу все вместе завопили квеманы. Заухали, завизжали, зарычали по-звериному.

Книве сразу ясно стало, что произошло. Принесли квеманы жертву озерному божеству. Рабыню или девку из своих. В селе говорят: они так всегда делают. А потом блуду предаются. Это они, нелюди, так солнцеворот празднуют. Не то что настоящие люди: днем ярким, с плясками да потехами воинскими.

Порадовал озерное божество, квеманы снова к кострам побрели. Чуть погода оттуда потянуло жаревом. Книва даже слюну слотнул: проголодался.

Отложил рогатину, полез в сумку, достал кусок вяленой зайчатины, оторвал зубами кусок, спросил Нидаду:

— Хочешь?

— Не-ет...

Трусил Нидада. Может, правильно решил Ахвизра оставить Нидаду при земле. Какой из Нидады воин выйдет? Смех, а не воин.

От этой мысли Книва почувствовал гордость, а к трусливому Нидаде — снисхождение.

— Ты чего трясешься? Далеко квеманы, не слышишь, что ли? — процедил он.

— Квеманы далеко... — протянул Нидада. — Я не о том.

— А о чем? — удивился Книва.

Нидада мотнул головой в сторону озера.

Вот дурачок! Это он, оказывается, из-за озерного духа трусливым потом исходит.

— Ему ж только что девку кинули! — усмехнулся Книва.

— А верно! — Нидада сразу повеселел.

Квеманы у костров тоже веселились. Книва с Нидадой терпеливо ждали. От озера, принявшего жертву, тянуло сыростью. И еще иным чем-то — нехорошим. Будто из тумана над водой глядел кто-то.

Может, и впрямь озерное божество? Книву снова пробрал озноб. А у костров, слышно, веселье разгоралось. Доносилось нестройное пение, женские крики и взвизги. Из леса диким квеманам дикие духи вторили. Кричали, подражая голосам ночных птиц.

Книва ощутил, как в нем опять страх просыпается.

«Нет, — подумал он. — Так нельзя сидеть. Надо дело делать».

Он хлопнул Нидаду по спине:

— Пошли!

— Куда? — нервно дернулся Нидада.

— Туда, к этим. Забыл, зачем пришли? Комаров, что ли, кормить? И первым полез из зарослей.

На полпути к квеманским кострам Книва остановился: вспомнил, что рогатину забыл. Вернуться?

В спину толкнулся Нидада. Тоже остановился, прошептал испуганно:

— Ты чего?

— Замри, — шепнул Книва. — Слушай.

И точно угадал: впереди хруст валежника послышался. Кто-то между елками бежал. Бежал-бежал — и вдруг остановился. Затаился. Слышалось только, как дышит часто-часто.

Книва мотнул головой, указывая в сторону спрятавшегося, показал Нидаде: будь начеку, сам медленно из чехла нож потянул и мягким шажком вперед двинулся. Таким сильным, легким и опасным чувствовал себя в этот миг Книва...

Здоровенный квеман выскочил из туманной мглы прямо на него. Огромный, как медведь. Как медведь растопырился, заревел — зубы блеснули в пасти — и Книву сверху руками облапил.

Книва даже удивиться не успел. Нож у него в руке сам собой повернулся плоской стороной к земле и квеману меж ребер вошел. Мягко так, легко, словно в теплый мед.

Квеман, наверное, тоже удивиться не успел. Булькнул тихонько — и умер. Только что он стискивал Книву с медвежьей силой и вдруг сразу ослабел, на ноже повис, едва из руки не вырвал. Книва руку наклонил, квеман мертвый с клинка сполз и на землю повалился...

И тут из-за дерева на Книву что-то белое бросилось. Книва опять ничего сообразить не успел, отмахнулся ножом, почувствовал, что попал, не клинком — рукоятью, но крепко. Враг, тот квеман, что за елками таился, назад отлетел и тоже упал.

А Нидада как стоял с рогатиной позади Книвы — так и замер. И рот приоткрыл.

Книва ко второму квеману подошел, присел рядом. Это баба оказалась. Раскинулась на спине, титьки кверху, ноги — врозь. Здоровущая. У, нелюдь!

Книва морду ее потрогал: липко, кровь. По лбу он ей рукоятью попал.

Тут рядом Нидада образовался, тоже на корточки присел.

Книва подумал: надо бы бабу квеманскую добить, но как-то... не хотелось.

«Пускай Нидада ее дорежет», — решил он, оттер ладонь о штаны и встал.

— Добей ее и жди тут, — сказал он.

— А ты куда? — спросил Нидада испуганно.

— Надо, — отрезал Книва.

И побежал за забытой рогатиной. Он особо не таился. Лес был полон разных звуков: визга, воплей, хихиканья. Веселились квеманы. Не чуяли, что среди них страшные убийцы дела геройские творят. Бежал Книва и великим воином себя чувал. Бесстрашным и могучим. Казалось: захочет он — и всех квеманов, глупых и беспечных, в одиночку перебьет.

Рогатина оказалась на месте. Книва подхватил ее и помчался обратно. На полпути ему квеман дорогу перебежал. Книва уже руку занес для удара, но квеман его и не заметил. Проломился сквозь кусты, как безумный лось, и дальше потопотал. Но у Книвы боевой задор как-то сразу угас.

Убитый квеман лежал на прежнем месте. И подбитая квеманка тоже. Только вот Нидада...

— Ты что надумал, сорочий сын? — прошипел в ярости Книва.

Нидада, паршивец, уже портки спустил, уд встопорчил кверху.

— Воину добытую бабу пользоваться — молодецкое дело! — заявил Нидада и на колени опустился, примериваясь, как поудобнее взобраться на квеманку.

— Какая это баба! — зашипел от ярости Книва. — Это ж нелюдь! Знаешь, кто от человека и нелюди рождается? Болотный дух!

— Ниче... — пробормотал Нидада, — не родится. Мы же ее — того. Ухватил квеманку за титьки...

И тут квеманка открыла зенки.

Нидада аж подпрыгнул.

А квеманка вроде как и не испугалась. Зубами блеснула: оскалилась зазывно.

Нидада, сразу видно, обрадовался. Снова ее за титьки ухватил...

И тут она, извернувшись, горсть трухи с земли подхватила и прямо в глаза Нидаде кинула.

Нидада взвизгнул совсем по-бабьи, с квеманки свалился. Она тут же на ноги подхватилась, заорала истошно... И осеклась, когда Книва рогатину ей точно в горло вогнал.

А Нидада на карачках по земле ползал, глаза тер и скулил.

— Заткнись! — Книва пнул его в бок. — Портки надень!

«Спешить нужно», — подумал Книва.

Подошел к убитому квеману, перехватил рогатину поудобнее. Для такого дела, конечно, топор сподручнее, но топора ведь нет. Недодумали они насчет топоров.

Наступив квеману на голову, Книва примерился и несколькими мощными ударами перерубил мертвецу хребет.

Потом ножом мягкое дорезал. На шее у квемана амулет был. Его Книва подальше в кусты забросил. Лучше бы унести да сжечь, но человеку амулет от квемана с собой носить опасно. От него вред приключиться может.

Голову квеманскую Книва в сумку спрятал.

Пока Книва делом занимался, Нидада успел порты натянуть и теперь ножом пытался квеманке голову откромсать. Пыхтел, весь в крови перепачкался, но кость крепкая, не поддавалась.

В воздухе смрад стоял. От крови и от мочи с калом, что из убитых изверглись. К запаху этому Книва был привычен, но ежели учует его кто из квеманов — сразу поймет, в чем дело.

— Брось ее, — велел он Нидаде. — Уходить надо.

— Еще чего! — прокряхтел тот, двумя руками нажимая на нож. — Мне... тоже... трофей нужен!

Наконец Нидада кое-как откромсал голову квеманки, ухватил за волосы, ослабился. Доволен!

— Вот теперь уходим! — заявил он.

И оба припустили прочь вдоль длинного озерного берега.

Когда квеманские голоса растаяли вдали и даже запах дыма больше не ощущался, приятели сделали передышку. Кровь с себя смыли, напились, головы добытые в воде ополоснули. Но медлить не стали. Надо было подальше уйти, пока квеманы своих убитых не обнаружили.

Теперь они через лес побежали. Лес же духами кишел: кричали они, угрожали, жаловались...

Книва с Нидадой сами не заметили, как с шага на бег перешли.

Владения Иббы миновали на рассвете. С другой стороны обошли, держась подальше. И снова бежали, пока сил хватило. Потом место приметили, где спрятаться можно. Лежали там, отдыхали. Обоим чудились голоса. Все казалось, что квеманы гонятся: вон топчут, перекликаются. А прислушаешься — нет никого. Лишь кровь стучит в ушах.

Солнце высоко уже стояло, светило сквозь кроны, когда Книва с Нидадой снова пустились в путь. Бежать было тяжело — парило в лесу, пот ел глаза, в голове будто молот бил. Но это уже своя земля была, не квеманская, не чужая.

Неподалеку от села еще озерцо было. Туда и свернули.

От деревьев уже протянулись тени — к закату дело.

У озерца остановились ненадолго. Сполоснулись, головы добытые омыли. От вида своей добычи Нидада совсем повеселел. Озоруя, стал играть головой квеманки.

И неожиданно Книве будто с другой стороны Нидада явился. На прыщавом лице глаза горят нехорошим блеском. На подбородке остром бороденка жидкая пробивается в три волоска, рот смехом распылен. Скалится, голову квеманки — которую, кстати, Книва убил — с руки на руку перебрасывает.

— Чего уставился? — вдрызг спросил Нидада.

— Вижу, каким ты станешь, — мрачно объявил Книва.

— Воином! Великим воином! — Нидада запрокинул лицо вверх и закружился на месте.

Книва резко отвернулся. Взгляд упал на другую голову, лежащую в траве. Книву вдруг вырвало желчью — не ел два дня. А Нидада, глядя на него, зашелся от хохота.

До села уже рукой подать было, когда ветер задул. Книва с Нидадой сперва не обращали на это внимания, Это даже приятно было — ветер нес прохладу разгоряченным лицам. Они уже не бежали, на своей земле все-таки, а брели спотыкаясь, лишь время от времени по привычке переходя на подобие бега.

А ветер все усиливался. Теперь он налетал порывами. Ветер дул сбоку. И оттуда же по небу напоззали, громоздясь, темно-серые горы туч. Донесся тяжелый раскат грома.

— Гроза идет, — пробормотал Нидада.

Книве уже тогда показалось, что неспроста все это.

Гроза застигла их в поле, что тянется от реки в сторону квеманских земель. Дождь то падал сплошной стеной, то вдруг бил в лицо колючими струями. Небо раскальвалось от молний, которые Доннар, ярясь, бросал на мир.

И они опять бежали. Бежали из последних сил.

Поверхность реки вздувалась пузырями. Книва с Нидадой добежали до брода, потом никак не могли выбраться на берег. Ноги скользили. Несколько раз они съезжали с глинистого откоса, пока наконец сумели выбраться наверх. Книва даже испугался, что унесет река. Время запретное, а они даже подарка водному богу не сделали... Однако ничего, выбрались.

В селе разделились. Нидада — в хибарку свою, Книва — домой. Добежал, ввалился в дом мокрый, весь перемазанный в глине.

— Ай! — вскрикнула Рагнасвинта, сестра Книвина. Остальные тоже уставились.

— Где был? — сердито спросил Фретила.

Книва без сил упал на чурбан перед очагом. Квеманскую голову за волосы вверх воздел, ухмыльнулся во весь рот...

Глава третья

КНИВА. НЕЧИСТЫЕ

К ночи буря усилилась. Книва с Нидадой жались к огню, вслушиваясь в раскаты грома, то и дело оглядываясь на шкуру, прикрывавшую вход. Подбитый глаз Книвы заплыл, превратился в щелочку. И спина болела. Там, где приложился березовый сук.

Фретила, отец, как только квеманскую голову увидел, аж с лавки подскочил. И сразу — кулачищем Книве в морду. А потом за волосы хватать — и выкинул из дома прочь, во двор. И сам следом выскочил, сук прихватив. И сукон этим так Книву отходил... А-а! Разве в этом дело!

В том дело, что Книва нечист. И Нидада нечист. И, хуже того, через них нечисть в село прийти может. Потому если ныне в селе случится что недоброе, то Книву с Нидадой убьют.

Вот тебе и подвиг. Эх, было б на Книве с Нидадой воинское посвящение, тогда и впрямь был бы подвиг. Тогда бы им почет оказали. Как героям. Воинское посвящение нечисть отваживает. А коли нет его...

Как они раньше об этом не подумали?!

О том, как и кого убили, Книва признался не сразу, а лишь у Хундилы-старейшины на подворье. Его туда отец Фретила с братом Сигисбарном приволокли. И Нидаду туда притащили.

И били там Книву с Нидадой нещадно. Только буря не стихала.

И сказал Хундила, что теперь вся нечисть, что на квеманском озере собиралась, в село придет. Потому что Книва с Нидадой ей путь показали.

Отныне они не могут входить в дома. Не могут ходить там, где люди ходят. Отныне они могут лишь сидеть в доме у Нидады. И дом этот отныне тоже нечист.

Если этой ночью нечисть заберет их жизни, дом сожгут. И новый строить на этом месте не станут. Так Хундила сказал.

Квеманские головы тоже здесь.

Книва боялся смотреть в их сторону.

А души квеманов снаружи теснятся. Их крики даже сквозь шум ветра слышать. Громко кричат мертвые квеманы, отомстить жаждут.

Книва с Нидадой тоже уже почти мертвые. Нет у них больше рода. А без рода человек — что отрезанная рука. Гниет, и черви ее едят. А люди смотрят с омерзением. Отныне Книва с Нидадой тоже отрезаны.

Если примет род нечистого человека, то сам станет нечист и сгинет. Оттого род Фретила отверг того, кого люди Книвой звали.

Ахвизра-дружинник, брат Нидады, еще ничего не знает. Но его род тоже Нидаду отвергнет. Ахвизра и отвергнет. И тем свой род

почти что убьет. Оттого что весь род Нидадин — сам Нидада да Ахвизра. Но Ахвизра это сделает, а как иначе?

Книва знает: об этом сейчас думает Нидада, вжимая голову в плечи. О том, что Ахвизра сделает. И боится. А чего бояться? Может, и до утра не доживет Нидада.

Хундила-старейшина хотел вообще их изгнать из села. Травстила-кузнец вступился. Сказал: заприте пока нечистых в хижине у Нидады. Если ночью пожрет их нечисть, то, глядишь, и отступится от села. Травстилу в селе слушают. Травстила тайное ведает, с Овидой-жрецом дружбу водит. Кузнец потому что.

Пинками и палками Книву погнали сюда. И Нидаду тоже.

А попозже внутрь еще старый горшок кинули. С углями. Угли те Травстила из кузницы принес. Нечисть огня из кузницы жуть как боится.

Травстила хотел помочь. Он всем в селе помогает.

— Дрова догорают, — пробормотал Книва. — Огонь гаснет.

— Дрова снаружи, — отозвался Нидада. — Я туда не пойду.

— Я тоже... — Книва вздохнул. — А ведь мы и озеро осквернили, и реку, — сказал он. — Когда на пути обратном нечистыми в нее вошли. И подношения не дали.

— Так ведь не было у нас ничего, — еле слышно прошептал Нидада. — Слышь, давай сбежим поутру.

Книва не ответил. Не дадут им сбежать. Дурак Нидада, неужели не понимает? И он, Книва, дурак, что с Нидадой связался.

Они сидели и смотрели, как угасал огонь. Тьма надвигалась из углов дома, протягиваясь к ним. Снаружи стонали и кричали убитые квемань. В дом проникнуть хотели.

Вдруг страшный скрипучий крик перекрыл звуки бури. Голод в нем слышался и нечеловеческая ярость.

Нидада заскулил от ужаса.

Глава четвертая

КНИВА. ЧУЖИЕ БОГИ

Утро настало, а Книва с Нидадой все еще были живы. Изнемогали от нечистоты. Мечтали о смерти. Всю ночь, желая отомстить, неистовствовали снаружи злобные квеманские духи. И бессчетное

количество раз казалось Книве и Нидаде: все. Сейчас ворвутся и пожрут. Но — обошлось. Может, угли из кузницы помогли?

С рассветом гроза ушла. Только ветер налетал порывами.

Убогая у Нидады хижина, кособокая. Ночью от ярости квеманских духов крыша прохудилась, сорвало солому. Всю ночь в дыру дождь лил. А с рассветом стал виден лоскут неба. По небу быстро неслись рваные облака.

— Уходить надо, — выдавил Нидада.

— Куда? — разъярился Книва. — Куда?!

Нидада пробормотал себе под нос что-то неразборчивое. Книва со злобой покосился на него. Великим воином он будет! Дерьмо свинячье!

Снаружи послышались голоса, шаги. Ветхая шкура, прикрывающая вход в хижину, отдернулась.

Хундила-старейшина.

Глянул молча, внутрь заходить не стал. Лишь пальцем поманил.

Книва встал и вышел. Нидада — за ним.

Снаружи собралось, почитай, все село. Пришли узнать, живы они с Нидадой или нет.

Книва с равнодушной тоской обвел взглядом лица односельчан. Ничего хорошего на них не прочел. Угрюмыми они были, эти лица. А у мужчин в руках топоры да рогатины.

Книва отвернулся. Лучше уж вдаль смотреть.

Старейшина заговорил. Мрачно ронял тяжелые слова.

Квеманские духи нашли путь сюда. Оттого нашли, что два щенка их сюда привели. Теперь нипочем сами не уйдут квеманские духи. Мстить будут. После бури ночной на поля смотреть больно. Сколько зерна силой не нальется. Вот и дерево, что возле богатырской избы росло, теперь повалено.

Вчера как думали? Думали — изгнать. А ныне все иначе повернулось.

Ночью-то вас никто ведь не видел. Все по домам сидели. А снаружи нечисть бесилась. И кто знает, может, уже и вселилась в вас нечисть. Кто поручится за вас? Никто не поручится...

В этот миг Нидада вдруг прочь рванулся с места. На пути у него Вутерих стоял. Нидада его оттолкнул. Откуда только силы взялись.

Но не ушел. Не дали. Древко рогатины сунули в ноги. Нидада растянулся на земле. Попытался вскочить, но тут уж на него все навалились.